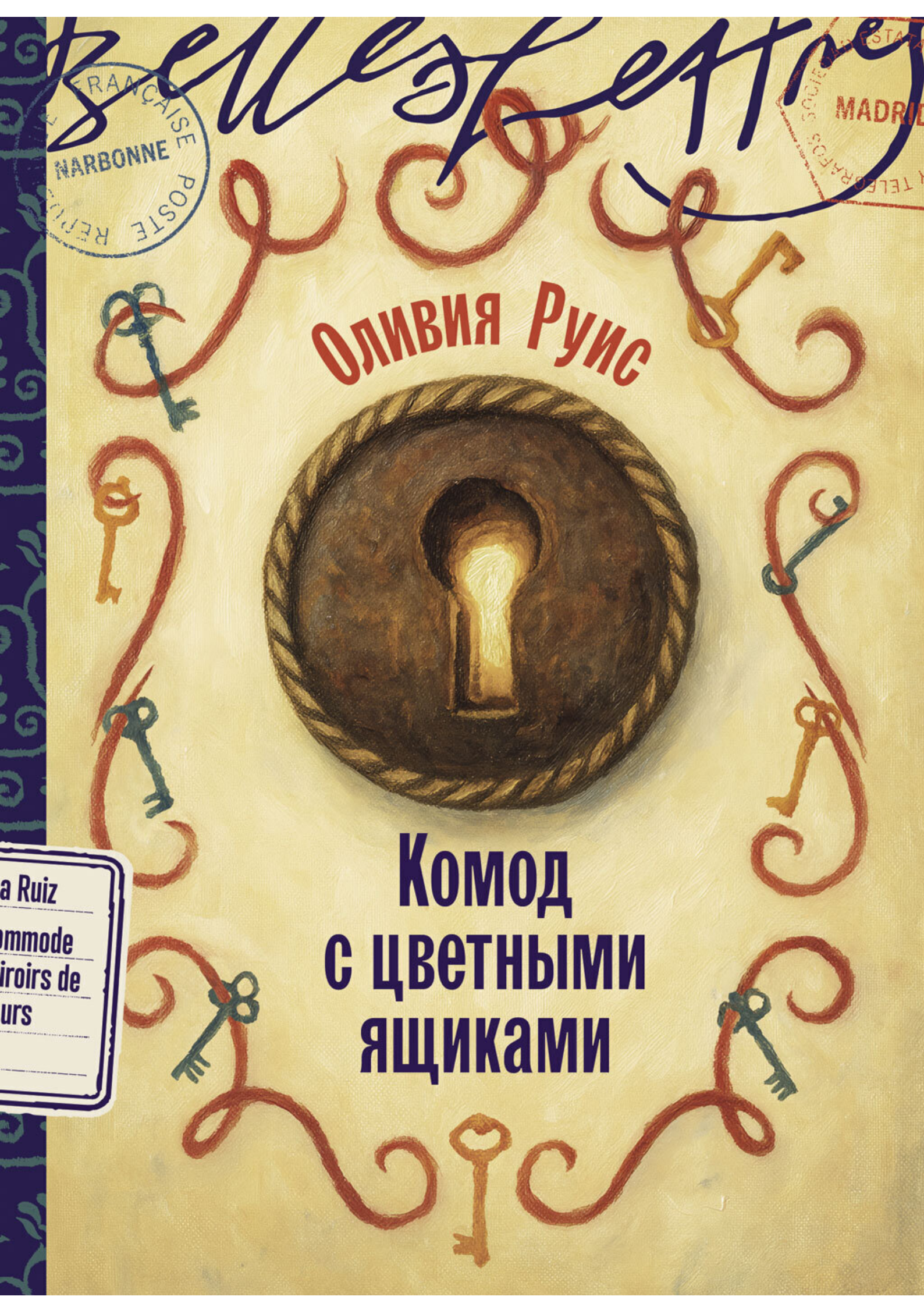
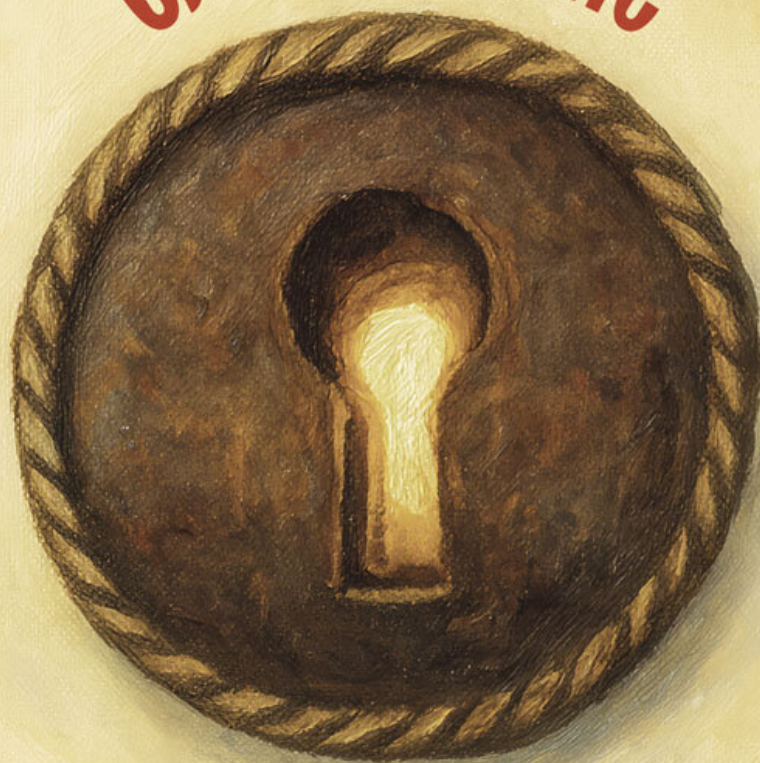

Оливия Руис

Комод
с цветными
ящиками

a Ruiz

ommode
iroirs de
urs

Оливия Руис

Комод с цветными ящиками

«Альпина Диджитал»

2020

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Руис О.

Комод с цветными ящиками / О. Руис — «Альпина Диджитал»,
2020

ISBN 978-5-00-631021-6

Крестильный медальон, тетрадь со стихами, билет на поезд... Каждый из этих предметов, спрятанных в старинном комод, хранит память о жизни людей близких и далеких. За одну ночь героине предстоит повернуть все ключики в замках и узнать о судьбе своей семьи со времен Гражданской войны в Испании до наших дней. Вещи расскажут ей истории Риты, Леоноры и Кармен, которые находили силы любить, смеяться и надеяться, поднимаясь на ноги после каждого удара судьбы. Роман Оливии Руис, уже покоривший сотни тысяч читателей, – о том, как важно «знать, откуда мы пришли, чтобы узнать, куда мы идем».

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-00-631021-6

© Руис О., 2020
© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Пролог	9
1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Оливия Руис

Комод с цветными ящиками

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Главный редактор: Яна Грецова

Руководитель проекта: Дарья Башкова

Арт-директор: Юрий Буга

Дизайнер: Денис Изотов

Редактор: Марина Кокта

Корректоры: Анна Кондратова, Зоя Колеченко

Верстка: Максим Поташкин

Иллюстрации: Марина Бесфамильная

Разработка дизайн-системы и стандартов стиля: DesignWorkout®

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2020 Olivia Ruiz

Originally published by JC Lattes, Hachette group. Russian translation rights arranged through Vicki Satlow of The Agency srl.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Пабlishер», 2025

* * *

OLIVIA RUIZ

La commode aux tiroirs de couleurs

JClattès

Оливия Руис

Комод с цветными ящиками

Роман

Перевод с французского Марии Рожновой

BELLES LETTRES

Москва, 2025

Родителям, брату и всей моей семье
Нино

*Молча сгорать – это самая страшная кара, какой мы можем
подвергнуть себя¹.*

Федерико Гарсия Лорка. Кровавая свадьба

¹ Перевод А. Февральского и Ф. Кельина.

...Человек не должен отрываться от родины, жизнь на чужбине рождает ощущение обездоленности, от которого рано или поздно тускнеет душа².

Пабло Неруда. Признаться: я жил. Воспоминания

² Перевод Л. Синянской.

Пролог

Мы с Папи³ сдвинули мебель к стене и танцевали всю ночь напролет, обливаясь слезами. Так становилось легче. Моя дочь Нина проснулась и присоединилась к нам. Мы уже успели заразить ее этим вирусом. В тот день я не хотела оставлять Папи одного. Бабушка умерла, и у него больше ничего не осталось.

Запахавшись, я поднимаюсь пешком на Холм⁴, в одной руке сумка, в другой – спящая дочь. Я измучена горем, и вдруг мне кажется, что я – это моя бабушка, восемьдесят лет назад поднимавшаяся в Пиренеи. Дрожащая. Потерянная. Оторванная от своей земли. Как я теперь – оторвана от нее.

Столько людей пришло почтить ее память, мы с Папи и половины из них не знали. Она унесла в могилу немало секретов, негодяйка... От этого мы почувствовали еще бóльшую гордость за то, что два первых места в ее сердце принадлежали нам.

³ Рарі (фр.) – дедушка, дедуля.

⁴ Имеется в виду холм Монмартр (фр. La Butte Montmartre), самая высокая точка Парижа. Парижане называют его просто Холм. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Ноги болят. Сакре-Кёр, кажется, стала выше на пару этажей – как в те ночи, когда я возвращаюсь домой, слегка перебрав. Я останавливаюсь. Осталось метров шесть. Просто возьми и сделай, как говорила Абуэла⁵.

Я открываю дверь в квартиру, включаю свет, а там он. Комод. У меня дома. Посреди гостиной, которая служит и кухней тоже. Бабушка творит волшебство даже теперь, когда ее не стало. Я улыбаюсь. И плачу. И вдруг меня прошибает мысль: что мне делать с этим чертовым комодом? Тридцать квадратных метров – нам с Ниной хватает. Но делить их еще и с комодом будет непросто.

* * *

Мне было четыре года, когда в бабушкином доме появился загадочный предмет, вызывавший у нас столько жадного любопытства. Это событие так свежо в моей памяти, что кажется, будто и часа с тех пор не прошло. Мы с кузенами тысячу раз пытались заглянуть в комод, внутренний компас всегда безошибочно вел нас к проделкам, ящики всех цветов радуги притягивали как магнитом. В замок каждого из них были вставлены маленькие ключики, которые так и умоляли повернуть их, а из-за позолоченных металлических уголков ящики казались еще более недоступными. Но неизменно раздавался один из тех устрашающих пронзительных окриков, на которые была способна только бабушка. И мы бросались наутек. Очередная неудача обычно заканчивалась расширенным заседанием юных представителей нашей семьи, на котором мы строили гипотезы в области таинственной науки – бабушкологии.

– А что, если в желтом ящике моя фотография с сиамским близнецом, с моей сестрой, которая умерла во время операции, когда нас пытались разделить? Тогда стало бы понятно, откуда у меня шрам на голове...

У моего младшего кузена Максима были свои соображения насчет синего ящика:

– Думаю, Абуэла прячет там доказательство, что я – родной брат нашего кузена Янника. Я все время об этом думаю. Ведь я гораздо больше похож на него, чем на тебя. Когда ты родилась, у мамы возникли осложнения, она, наверное, стала бесплодной, вот меня и отдали ей, чтобы она не грустила.

Но наши вопросы о комодке оставались без ответа. В детстве я, пользуясь положением любимицы, просила, чтобы Абуэла открыла секрет, показала свои сокровища. Она с гордостью называла меня «мой подсолнушек». Но тут ничего не помогало. Последнее слово всегда оставалось за бабушкой, она все и всех подчиняла себе. Как и ее стряпня, она сначала неудержимо искушала, захватывала воображение, а затем душила своим пряным темпераментом. Но после еды во рту остается сладкий привкус, он успокаивает – ты уверена в том, что тебя горячо любят.

Я так долго ждала, что едва не умерла теперь, когда это все же случилось. Столько лет я умирала свое нетерпение, и наконец узнаю, почему бабушка так яростно оберегала секреты, хранившиеся в этих десяти ящиках. Она называла их: «тайники памяти».

Я уложила дочку спать. Нина так на нее похожа. Надеюсь, я буду такой же хорошей мамой, как моя. Я поставила пластинку Эннио Морриконе. Абуэла... Никто и никогда не называл ее иначе. Абуэла – это слово идеально подходило ее черным глазам и смуглой коже. Абуэла, глава мафии. В моей семье, из поколения в поколение, бабушку всегда называют «Абуэла».

Прохожу мимо комода, чтобы налить себе чая. Слезы и улыбка внезапно появляются на моем лице, как гости, которых обычно сажают подальше друг от друга. На кончиках пальцев рождается ощущение: мне восемь лет, и я переживаю целую гамму чувств – от лихорадочной зависти до уже подернутого грустью понимания, что вот-вот будет перевернута важная страница моей жизни. Во мне все клокочет. Я беру себя в руки. Сантименты – то, что она нена-

⁵ Абуэла (исп. abuela) – бабушка.

видела всей душой. Я никогда не видела, чтобы она плакала, и знала, что ее любовь ко мне такая же крепко спаянная, как она сама. Какой была и я. Почти. Какой хотела быть.

В нашей семье говорили много и громко, но при этом ничего не могли друг другу сказать. Только раз Абуэла ответила на одно из множества моих «я люблю тебя». Она сказала: «Мы тоже тебя любим». Но я не переставала повторять ей это. В конце концов мне даже понравилось, что говорю это только я. Любовь ко мне сочилась из всех ее пор, каждую секунду. Слова были не нужны. Как и нежные прикосновения. Иногда, не сводя с меня глаз, она гладила собаку. И всю полученную ласку собака радостно передавала мне.

Огромный дубовый комод, десять ящиков. Три не очень ровных ряда по три ящика, и еще один розовый ящичек в самом низу. Моя страсть ко всему запретному с годами не ослабела, кажется, вот-вот – и я суну руку в огонь. Я не свожу глаз с десятого ящика, самого маленького, которого тут быть не должно. С самого загадочного.

Не удержавшись, моя рука хватается за ключ. Голова кружится, когда я думаю о том, что сейчас увижу. Я медленно открываю ящик, наслаждаясь каждой секундой до того, как завеса тайны будет наконец поднята.

В ящике что-то есть, мои влажные дрожащие пальцы чувствуют его тяжесть. От бус из макарон до пепельницы из соленого теста – все мои шедевры тут. Она сохранила абсолютно все, что я для нее сделала. Экспонаты, достойные кунсткамеры, хранятся тут как настоящие сокровища. Воспоминания возвращаются. Я отступаю от комода, прохаживаюсь по комнате. Словно не готова пока отправиться в великое путешествие. Будем считать, что розовый ящик пока сказал достаточно.

Я достаю фотографию, где мы с кузенами стоим перед трейлером, который Папи и Абуэла каждое лето снимали в кемпинге «Нарбонна-Пляж». Хитрые улыбки, радость жизни, светящаяся на наших лицах, – от них выцветшие краски будто становятся ярче. Мы были счастливы. Спали вшестером, валетом, в кровати бабушки и дедушки, и они, разумеется, вместе с нами, и никаких проблем. Напротив, когда кто-нибудь из нас вырастал и отправлялся на раскладушку, чтобы освободить место для младшего, это становилось настоящей трагедией. Абуэла и Папи были всей нашей жизнью. Особенно моей. В детстве рядом с ними я чувствовала себя в безопасности. Надеюсь, что я тоже смогла подарить им это ощущение, когда прожитые годы сделали их уязвимыми.

Абуэла была клеем, скреплявшим нашу семью. Кто-то скажет, что держать нас всех вместе в Марсейете⁶, в бетонной коробке-кафе, было не так уж здорово. Но если Абуэла решила, что это для тебя хорошо, ты уже ничего не мог поделать. Оставалось только смириться.

Краем глаза я смотрю на комод. В розовом ящике замечаю конверт и узнаю старательный бабушкин почерк. А что, если их больше? Я начинаю догадываться...

Придется это сделать: начать с первого ящика, даже если нужно будет просидеть до самого утра. Я перевернула пластинку Морриконе. Уселась на пол перед комодом с цветными ящиками.

Что ж, теперь здесь только мы с тобой, Абуэла. Удиви меня. Снова.

⁶ Городок на юге Франции.

1

Крестильный медальон

Вот, это мой крестильный медальон, *cariño*⁷, в том путешествии он был моей единственной «ценностью». Мне повторяли: храни его как зеницу ока, и я чувствовала себя богачкой, потому что он был у меня. Я думала, что, продав его, смогу выпутаться из любой ситуации.

Меня крестили поздно по тем временам. А всё из-за моих родителей и их раздражающе передовых взглядов! Они ждали, когда я вырасту и сама выберу себе Бога. К счастью, в дело вмешались бабушка и дедушка, потому что я хотела быть как другие, как все мои близкие, хотела, чтобы Бог считал меня своей и защищал. Тот самый Бог, их Бог. Я отнеслась к крещению очень серьезно, да что я говорю, с необычайной торжественностью, маму это растрогало, отца рассмешило. На мне было красивое белое шелковое платье. У моей семьи было несколько тутовых рощ, где мы разводили шелковичных червей, и ткачи выручали нас, если было нужно. Однажды дедушка разорил одну рощу – сделал себе крылья из ветвей шелковиц. Нас всех позвали посмотреть, как он взлетит... но он упал на землю! Попытка пообщаться с небесами провалилась и принесла ему только ужасную боль в правом бедре, которая осталась с ним на всю жизнь. Но это, *mi cielo*⁸, уже другая история.

Вот, посмотри, на моем медальоне изображен Святой Христофор, покровитель путешественников. Забавно, ведь, впервые покидая Испанию, я отправлялась в ссылку. Конечный пункт – Франция. Хорошенькое путешествие! За неделю до отъезда мама пришила по кро-

⁷ Дорогая (исп.).

⁸ Здесь: милая (исп.).

печному кармашку ко всем нашим трусам. «Рита, на ночь надевай медальон на шею или на запястье, а по утрам убирай в кармашек на трусиках, которые будешь носить днем. Так он всегда будет с тобой, и никто его не отберет. Когда республиканцы победят, снова сможешь носить его и ничего не бояться». Не бояться чего? Я не успела спросить. Мама знала, что я никогда ничего не боялась. В этом я, кстати, была в родителей. Сесть на поезд во Францию было не большим безумием, чем красться по ночам через лес, как это делали взрослые участники сопротивления. В то время мы, дети, играли не в ковбоев и индейцев, а во франкистов и республиканцев. Каждый хотел быть коммунистом, анархистом или социалистом, ведь они всегда побеждали. Да, республиканцами тогда называли все левые течения, объединившиеся против Франко и достигшие относительного согласия на пути к общей цели.

Мои родители любили друг друга так же сильно, как свою партию и родину. Они защищали свой язык, образ жизни, обычаи, а также боевой дух, радикализм, граничащий с безумием, и мужество. Никто не мог отнять у них этого. Мама часто повторяла: «Каждый сам хозяин своей судьбы». Эту идею она подавала под разным соусом. Могла завершить этой фразой жаркую дискуссию, оставив слушателей в оцепенении, или оживить атмосферу за обеденным столом, когда не было других тем для разговора. О, с какой интонацией она всегда произносила это свое знаменитое: «Каждый сам хозяин своей судьбы»! И мы с сестрами чувствовали себя непобедимыми.

Вот уже несколько недель нам казалось, что наша семья теперь не так неуязвима. Выходя из дома, мама и папа постоянно озирались. Мы переехали в Барселону, к Анхелите и Хайме, нашим старым друзьям. Родители больше не работали, почти не показывали носа на улицу, они все время писали письма и устраивали собрания. Несколько раз в день уличные мальчишки за одну-две монетки приносили им какие-то документы, а взамен забирали другие. Мы с сестрами больше не ходили в школу. Некоторых детей похищали и отправляли в район позора в Аликанте, на перевоспитание в лагеря, где их мозг разбирали на части и собирали заново – чтобы они могли служить правительству⁹. Я бы лучше умерла!

Однажды вечером, когда мы возвращались после шествия *Día de los Reyes*¹⁰ с карманами, полными конфет, папа, как обычно, едва войдя в дом, включил радио. Голос из приемника вещал о заговоре и резне, о крови и Барселоне, и папа сказал, что пора нас переправить в безопасное место. Он сказал, остается меньше трех недель. Не нужно волноваться: мама и папа свергнут режим Франко, и мы вернемся домой. Нас отправят во Францию, это недалеко, там нет бомбежек и диктаторов, все будет в порядке. Анхелита и Хайме всю дорогу будут с нами, они и отвезут нас к *tío*¹¹ Пепе, который уже двадцать лет живет недалеко от моря, в Нарбонне. Мы никогда не слышали ни о *tío* Пепе, ни о Нарбонне. Никогда не слышали, чтобы дома говорили о Франции или по-французски. Никогда не покидали нашей страны. Но я ничего не боялась, потому что родители, даже во всей этой спешке, сделали все, чтобы приукрасить сценарий нашего будущего. Лучше верить в Санта-Клауса и потом огорчиться, узнав, что его не существует, чем лишиться радости представлять себе все, что с ним связано, правда? Вот и здесь было так же. Ложь по любви, ложь для защиты, чтобы мы продержались хотя бы до Нарбонны.

⁹ Во времена правления Франсиско Франко (1939–1975) была распространена практика изъятия детей из «неблагонадежных» семей. Существовали лагеря для «перевоспитания» детей республиканцев, диссидентов и инакомыслящих. Например, система Patronato de San Pablo – сеть приютов, где детей подвергали политической обработке, заставляя отрекаться от «красных» родителей. Аликанте (город на юго-востоке Испании) был оплотом республиканцев, и после Гражданской войны там массово сажали в тюрьмы противников режима. В некоторых лагерях заключенных держали на виду как «живое напоминание» о наказании за сопротивление.

¹⁰ День Королей-волхвов, главный новогодний праздник в Испании, отмечается 6 января. Кульминация праздника – кавалькада волхвов (Cabalgata de los Reyes Magos), красочное шествие, во время которого «волхвы» и их помощники проезжают через город, разбрасывая конфеты и подарки.

¹¹ Дядя (исп.).

Увидев на вокзале искаженные горем лица родителей, мы должны были что-то заподозрить. В Испании и за ее пределами за их головы была назначена награда. Они были приговорены и решили вместе покончить с собой. Одному богу известно, любил кто-нибудь еще друг друга так, как они.

Мы с сестрами справлялись как могли. Твоя двоюродная бабушка Леонора была самой старшей, это она открыла чемодан, когда мы приехали в Нарбонну, и нашла письмо от мамы и папы. Она читала его, и воспоминания потоком хлынули ей в лицо, и многое вдруг обрело новый смысл. Никогда не забуду ее взгляд. В нем ярость нашей матери сменялась невозмутимостью отца. Она хранила секрет до тех пор, пока Кармен не стала достаточно взрослой, чтобы тоже понять. Точнее, пока она не решила, что мы с Кармен обе достаточно взрослые. Только сейчас, рассказывая тебе об этом, я понимаю, какой силой обладала моя сестра. Она была так строга с нами, а я, забаррикадировавшись в своем подростковом гнев, часто обижалась на нее и была к ней несправедлива. Леонора была старше меня на шесть лет, Кармен – на четыре года младше. Мне было десять. Да, именно так, нам было шесть, десять и шестнадцать лет в тот день, когда мы в последний раз поцеловали родителей.

Поезд не дошел до Нарбонны. Нас высадили в Жироне¹², дальше мы шли пешком. Нам пришлось уступить свои места солдатам, которые ехали на облаву в приграничные деревни. Республиканских активистов, пытавшихся покинуть страну, выслеживали, выдавали за деньги, бросали в тюрьму. А потом, когда тюрьмы переполнились и понадобилось место для новых заключенных...

Тогда я еще не понимала всего этого. Как только Леонора заметила, что мы с Кармен начинаем пугаться, она напомнила нам, что все это временно, хорошие республиканцы скоро прогонят злых франкистов. Хорошие парни всегда побеждают... И оп-ля, проблема решена: «*Tranquilo nenas*¹³, хороших снов». – «Ну, если все уже почти закончилось, ладно... спокойной ночи». Так легко уезжать, если не знаешь, что, возможно, никогда не вернешься.

* * *

Какое чувство свободы было в самом начале! В каком восторге были мы с Кармен! Столько солнца – казалось, в феврале наступило лето. Мы открывали для себя новый мир, сотни наших ровесников бежали вместе с нами через Пиренеи. Конечно, для Леоноры все было иначе. Она была сосредоточена, она знала, что нас ждет, или предвидела. Другие тоже. То, что говорили нам родители, никак не вязалось с тревогой на лицах взрослых, которых мы видели во время нашего путешествия, и я начала задумываться.

Когда половина пути осталась позади, наше с Кармен возбуждение заметно уменьшилось. Холод становился все ощутимее, усталость давила все сильнее, от ботинок отваливались подошвы. Гул людей, идущих друг за другом, плач младенцев и сдавленные причитания разносились по склонам горы.

В Лё-Булу¹⁴ мужчин отделили от женщин и детей. Расставание с Хайме было ужасным. Беременная Анхелита рыдала от горя. Мы крепко обнимали ее, пытаясь успокоить, но все было напрасно. Кармен тоже плакала, сама не зная почему. Семьи вокруг нас разрывались на части, люди расставались, обливаясь слезами, не чувствуя укусов ледяного ветра, потому что боль в их сердцах была гораздо сильнее.

На границе всем сделали какие-то уколы. Никто не спрашивал зачем – от холода и голода нас всех охватило бесчувствие. Мы так и не узнали, что это было. Мы с сестрами оказались

¹² Город на северо-востоке Испании.

¹³ «Спокойно, девочки» (исп.).

¹⁴ Городок на юге Франции.

далеко не в худшем положении: мама положила в чемодан толстые шерстяные свитера и по паре новых ботинок для каждой из нас. Но тревога перед неизвестностью росла, особенно теперь, когда с нами не было нашего единственного мужчины. Если мы скоро вернемся домой, почему все в нашей группе так напуганы и печальны? Точнее было бы сказать – в нашем стаде, потому что и французские, и испанские власти обращались с нами как со скотом.

Мы прошли сто пятьдесят километров, за это время волонтеры Красного Креста дважды привозили нам воду и немного еды. В Лё-Булу одна старушка дала Кармен маленькую корочку с *mantecados*¹⁵ и *dedos de bruja*¹⁶. Так странно: печенье было очень похоже на то, что пекла моя Абуэла – за несколько месяцев до того, как умерла от рака желудка. Когда маму спрашивали, от чего умерла Абуэла, она, сдерживая ярость, отвечала: «Моя мать не смогла пережить того, что ее народ позволил негодьям захватить нашу землю». Вот так.

Эти слова многих напугали, никто ведь не думал, что от такого можно умереть. Вон оно что, наша старушка умерла из-за своих убеждений, а вовсе не от того, что постепенно захватывает все больше места и побеждает, как бы ты ни сопротивлялся, – совсем как этот *malparido*¹⁷ Каудильо¹⁸.

Блеск коробки с печеньем отражался в повеселевших глазах моей младшей сестры. Так трогательно было видеть это посреди всего того отчаяния, что нас окружало. Мы с Леонорой понимающе улыбнулись друг другу – в первый и последний раз за время нашего пути. Она не хотела, чтобы я видела ее страх, а я не хотела признавать ее власть. В конце концов, она не была моей матерью. Кармен сначала не хотела делиться. Это ведь ей подарили. И неважно, хотели мы есть или нет, рассчитывать на ее печенье нам не приходилось. Она и сама не сразу набросилась на свое сокровище, несмотря на то что в животе у нее урчало от голода. Мы были в пути уже два дня, и бутерброды, которые дала нам мама, давно закончились, как и печенье от Красного Креста.

Но, пройдя сто пятьдесят километров, мы стали старше на несколько лет, и Кармен сама решила разделить свою добычу поровну. Мы с Леонорой настаивали, чтобы она оставила себе побольше, повторяя мамины слова о том, что она еще растет, и уверяли, что нам не так уж хочется есть. Но она не послушалась. Еще два месяца назад я бы без всяких угрызений совести схватила Кармен за руку, чтобы отобрать у нее печенье, а она с невероятной изобретательностью прятала бы его от сестры-обжоры. Но не теперь...

В нашей группе было человек сто, рядом с нами текла настоящая человеческая река – словно тысячи муравьев, храбрых и уязвимых, измученных холодом и тяжестью поклажи, но полных решимости.

В Аржелес¹⁹ мы прибыли ночью. Какой же тогда был свиначий холод! То есть собачий! Простите... Я не очень понимала, почему огромный, огороженный колючей проволокой загон на берегу называется лагерем. Я-то, когда в Сербере²⁰ впервые услышала слово «лагерь», представила себе что-то вроде гигантского кемпинга. Но это огромное песчаное пространство больше напоминало место, где люди ждут смерти: около пятидесяти разбросанных по берегу барачков, шатких, как соломенный домик самого ленивого поросенка, несколько уличных жаровен и обступившие их призрачные фигуры. Там почти ничего не было – только тела, истрепанные ветром, измученные голодом, только души, истерзанные воспоминаниями и потерями.

¹⁵ Рождественское песочное печенье.

¹⁶ Печенье в виде «пальцев ведьмы».

¹⁷ Ублюдок (исп.).

¹⁸ В 1939–1975 годах – официальный титул главы государства в Испании.

¹⁹ Концентрационный лагерь Аржелес для испанских республиканских беженцев был создан в начале февраля 1939 года на пляже французского города Аржелес-сюр-Мер.

²⁰ Городок на юге Франции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.